

Светские условия

В наш чудесный век блестящий
странность некая жива —
нет оценки настоящей:
меры две и веса два.
Одному легко прощают
и бесчестье и разврат,
у других грехом считают,
сами худшее творят.
Лги, кради и грабь всегда.
Но веди себя прилично.
Люди скажут: «Не беда,
это не публично».

Если нищий, голодая,
грош возьмет в чужом доме,
власти, жалости не зная,
поведут его в тюрьму.
Если ловкий аккуратно
где-то цапнет миллион,
дом построит, станет знатным,—
честь его хранит закон.

«Эти деньги он украл
у народа... Неприлично!» —
«Не беда, к чему скандал?
Это не публично».

Если женщина устанет
с горем биться день-деньской,
от голодной жизни станет
жертвой похоти людской,
то ее без разговора
суд всеобщий заклеяет.
А когда богачка Флора
то же самое свершит,
развлекаясь без стыда...
Если скажешь: «Неприлично!»
так ответят: «Не беда,
это не публично».

Вот, назвавшись патриотом.
тот поднимет кутерьму:
«Я всегда с родным народом!»
Стоит крикнуть тут ему:
«Брось кричать, Шейлок негодный!
Эти вопли, этот плач;
так смешны и старомодны, —
все мы знаем: ты палач!
Богател ты без труда,
разорял народ цинично».
Возражают: «Не беда,
Это было не публично».

1882 г.

Средство не иметь врагов

«Головы твоей повинной
не коснется острый меч».
Этой истиной старинной
не хочу я пренебречь.

Я сужу, как люди, здраво:
Не толкну змею ногой,
а к вельможам величавым
рад всегда пойти слугой.

Богачам — прием радушный,
сильным льщу, твержу: «Да, да» —
и в душе моей послушной
нет тревоги никогда.

Знаю, скромная персона
быть услужливой должна,
от учтивого поклона
не сломается спина.

Со своим сужденьем пресным
в спор не лезу с богачом.
Мне совсем неинтересно

знать, кто думает о чем.

Что там бело, где там черно,
не хочу об этом знать.
Я всегда готов бесспорно
правым каждого признать.

Никогда не забываю
интересов я своих,
правым сильного считаю,
пусть он лих,— я буду тих.

Столь завидным положеньем
я доволен. В этом суть:
примираюсь с униженьем.
Путь мой — самый верный путь.

Вот пощечину, примерно,
получил от дурака.
Ах, какой поступок скверный,
как горит моя щека!

Ну, представьте, я с ним бился?
Учинил ему скандал?
Нет, я ловко притворился,
что побоев не видал.

Мне народ давно заметил:
«Как ты скромн! Как ты тих!»
Но зато нигде на свете
не найдешь врагов моих.

1882 г.